

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К СОВЕТСКИМ ФИЛОСОФСКИМ ПОКОЛЕНИЯМ**
(Рецензия на книгу: *Философские поколения / Автор идеи, сост. и
отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский дом ЯСК, 2022. –
1232 с., ил.*)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: В статье анализируется коллективная монография под ред. Ю.В. Синеокой, посвященная советским и постсоветским философским поколениям 1920–2010-х годов. На основе этого фактического и методологического материала автор развивает собственную интерпретацию данного процесса. Автор предлагает превратить веберовскую идею инакомыслящих меньшинств в главный предмет политико-философского анализа советской и постсоветской философии. Для этого он концептуализирует политико-философский пласт шестидесятничества и подчеркивает важность идеи сущностной спорности тезауруса философско-мировоззренческих понятий. На основе собственного жизненного и исследовательского опыта автор высказывает и обосновывает гипотезу: аксиологическая сфера личности формируется раньше ее логико-гносеологической сферы и определяет множество последующих выборов; конфликты протекают внутри поколений, а не между ними. Поэтому намного интереснее изучать диапазон расхождения между поколениями и индивидуальными биографиями, особенно меру сопротивления, которую в состоянии индивид выработать и реализовать в отношении всех надиндивидуальных ценностей, коллизий и ситуаций.

Ключевые слова: философия, философские поколения, жизненный опыт, аксиологическая сфера личности, логико-гносеологическая сфера личности.

*Если человек не знает, что такое правда,
он духовно вывихнут¹*

Первый взгляд на эту книгу [Философские поколения... 2022] породил у меня ощущение неисчерпаемости ее тем, сюжетов, аспектов, проблем. После чтения предисловия чувство усилилось. Ю.В. Синеокая считает главной задачей коллективной монографии восстановление человеческого контекста существования и развития философии в СССР/России

¹ См.: Гуль 2001: 350.

[Синеокая 2022: 13–28]. Думаю, такой замысел не оставит равнодушным никого. Причем, не только из круга профессиональных философов. Напомню, что философия входила в канон советского обществоведения – вместе с историей КПСС, политэкономией, научным коммунизмом. Каждый студент был обязан изучать и сдавать экзамены по указанным дисциплинам. Значит, опыт усвоения и сдачи экзамена по философии для всех поколений людей, получивших высшее образование в СССР, является общим.

Разумеется, этот опыт включает множество индивидуальных призм восприятия и оценки, которые можно сопоставить с опытом поколений профессиональных историков КПСС, политэкономов социализма и научных коммунистов. Сегодня этих предметов официально не существует. Но каждый знает, что они и тысячи преподавателей этих идеологических дисциплин были на самом деле. Сквозь призмы экзаменов и преподавания официальной идеологии тоже можно читать, изучать, размышлять, интерпретировать и преподавать содержание книги, написанной профессионалами-философами.

Речь идет о реконструкции специфики эмоционально-аксиологического фона восприятия и изучения философии в СССР/России как элемента советского обществоведения. Возникает перспектива создания целой библиотеки. В ней мнения любителей, равнодушных и врагов философии будет репрезентативно для суждения о формах ее советского и постсоветского существования. Эти установки и модусы нетрудно связать с множеством дефиниций философии.

Например, давно известны определения философии как «любви к мудрости», способа врачевания души или потенциального вреда (в соответствии с мудростью князя Ширинского-Шихматова «Полезьа от философии не доказана, а вред возможен»). У А.М. Горького можно обнаружить иное кредо: «Философствуя, человек не врет. Философствуя, он просто выдумывает» (цитирую по памяти). Однако не существует статистики о числе людей, излеченных (или покалеченных?..) советской философией. Хотя трудилось на этой ниве целых шесть поколений. Сколько они произвели мертвых и до сих пор живых выдумок – тоже неизвестно... Значит, идея предполагаемой энциклопедии исторических, экономических, политико-идеологических и философских глупостей нуждается в обсуждении. Фоном может служить всенародная глупость [Задорнов 2021].

Юлия Вадимовна поставила перед потенциальными авторами данного сборника другой (незаданный) вопрос: вместе или в одиночку профессиональные философы занимаются философией? Под таким углом зрения получено почти шестьдесят ответов и предложена классификация поколений. Половина авторов не может обойтись без компании, другая половина трудится в одиночестве. Однако любой ответ вплетен в канву биографии особых индивидов. Которые реализовали свой неповторимый вариант связи собственной философской рефлексии, познания и знания с индивидуальной судьбой или призванием. Из истории культуры известно радикальное различие между смыслами судьбы и смыслами призвания. В каждой культуре оно иное. Совмещение того и другого до сих пор проблематично. Например, перед каждым русским человеком и сегодня стоит перспектива, открытая почти двести лет назад А. Григорьевым:

Для себя мы не просим покоя

И не ждем ничего от судьбы...

Значит, из книги можно извлечь целую цепную реакцию множества антропологических потенциалов советских людей. Они на свой страх и риск все же имели мужество связать свою судьбу с призванием быть служителем или рупором истины – даже в самых неблагоприятных условиях. Детонатором указанной реакции может выступить любой книжник – с присущей ему читательской и профессиональной культурой в любой сфере гуманитарного знания. Исследовательские методы уже давно разработаны [Книга в системе общения... 2006; Рац 2012; Мангель 2020].

Так или иначе с помощью полуроты профессиональных философов шести поколений Юлия Вадимовна создала свой вербовочный пункт охотников поступить на философские факультеты или самостоятельно изучать философию. В этом смысле книга может рассматриваться как важный ресурс будущего философского общества России, которое сформировано и продолжает формироваться указанными поколениями.

Более полусотни лет назад я тоже был новобранцем философского цеха. Трудно сказать, как сложилась бы моя судьба, если бы эта книга была прочтена в юности. Вместо упущенной возможности приходится апеллировать к опыту.

В возрасте двадцати лет я назвал философию «праздником независимой мысли». Еще ничего о ней толком не зная, – под впечатлением названия книги Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Но под «независимой мыслью» я уже тогда считал ту и только ту мысль, которая свободна от общепринятых мнений, от связей с властью, с денежными мешками и религиозно-идеологическими шаблонами восприятия действительности². На философский факультет я поступал для проверки этого представления.

Однако во время учебы в Ростовском университете пришлось убедиться в обратном: большинство коллег-студентов руководствовалось совсем иными мотивами. Стремление устроиться в жизни с помощью диплома о высшем образовании было главным. У меня же под влиянием постоянного чтения художественной и философской литературы, лекций М.К. Петрова, опыта совмещения физического и интеллектуального труда (почти до сорокалетнего возраста), а также собственного характера смутное представление превратилось в твердое убеждение. Поэтому ко времени окончания университета и поступления в аспирантуру передо мной возникла совсем иная жизненная и мировоззренческая проблема: как связать это убеждение с выбором таких тем научного исследования, которые позволяют его сохранить и реализовать, несмотря ни на какие обстоятельства? Я многократно спорил с друзьями-москвичами о возможности реализации такого выбора. Они посмеивались: «И ты согнешься, рано или поздно».

Не мне судить, кто из нас был прав, и насколько мне удалось воплотить в жизнь юношеское убеждение. Во всех своих научных работах я пытался дистанцироваться от существующих в данном месте и времени денежных мешков, власти, бюрократического аппарата государства и идеологий. Не менее критически я всегда относился к шаблонам массового сознания и профессионального поведения в сфере общественных наук, включая множество советских и постсоветских интеллектуально-политических мод – от «научно-технического прогресса», «развитого социализма» и «социалистического образа жизни» до «модернизации», «национальной идентичности» и «патриотизма». Заниматься подобными проблемами я всегда брезговал, поскольку они вырабатываются лицами и группами, которых со студенческой скамьи называю холуями и хуторянами. Холуями – поскольку данные группы настроены сервильно в отношении денег, власти, идеологий. Хуторянами – поскольку сложившиеся в условиях данного места и времени обстоятельства и отношения воспринимаются данными группами некритически. Супруга предлагает называть ту же публику злобными побирушками. Каждый прикосновенный к философии читатель может выбрать, какой «образ жизни» ему больше по душе... [Политика мысли... 2016]

Нынче состою в возрасте аксакала. Но мнения своего не изменил. И могу свидетельствовать: на праздник независимой мысли соберутся далеко не все профессиональные философы, независимо от принадлежности к любому из указанных поколений. Чтобы сделать такой вывод, мне потребовалось прожить более полусотни лет и написать три десятка книг. Думаю, ни одну из них невозможно использовать для обоснования господства денежных

² Возможно, главную роль в становлении данной мысли сыграла мама, которая презрительно называла «Нда-нда» поддакивающую всем соседку. И одновременно она постоянно подстегивала мою строптивость угрозой «Будешь и ты ходить по шнуруку». По ее мнению, хуже такой жизненной перспективы ничего быть не может.

мешков, власти, религии и идеологии над сферой мысли. Такова традиция обычного свободного мышления, к которой я интуитивно приобщился в двадцать лет и продолжаю в ней пребывать до сих пор.

Можно ли умножить мой опыт на шесть поколений? Ведь в каждом из них были мои учителя, коллеги, ученики, а уже не первое десятилетие – дети и внуки учеников. Если они готовы пойти на аналогичный риск, то антропологическая неисчерпаемость становится внутренней характеристикой философской корпорации.

Образ «звонкого забулдыги-подмастерья» позволяет перейти к цеховой беседе с авторами. А профессиональное знание разрешает превратить веберовский концепт *инакомыслящих меньшинств* в главный предмет политико-философского анализа советской и постсоветской философии.

Этот концепт введен М. Вебером при описании различия между договорными и октроированными порядками: «Ведь если значимость договорного порядка зиждется не на *единодушно* (Курсив Вебера. – В.М.) одобренном соглашении (что в прошлом считалось необходимым для подлинной легитимности), а на фактическом подчинении инакомыслящего меньшинства (как часто происходит на деле), то на практике имеет место навязывание воли большинства меньшинству» [Вебер 2016: 96]. Обратим внимание, что даже при договорном порядке большинство навязывает свою волю меньшинству. В то же время не надо доказывать, что никакого единодушия в сфере философского знания достичь невозможно. Значит, советская попытка навязать («октроировать», в языке Вебера) целому обществу определенное мировоззрение образует частный случай универсального тренда, который требует особого исследования. Пока можно констатировать: к оценке данного единодушия применим вывод М. Вебера: победа большинства оказалась видимостью [Там же]. Однако в России до сих пор не прекращаются попытки воплощения такого единодушия. Рецензируемая книга дает богатый материал для обнаружения множества видимостей (иллюзий) у целых шести поколений.

Поколение 1920-х годов создало свой неповторимый типаж профессиональной философии. Но все они сгнили в советских тюрьмах и лагерях [Корсаков 2022а: 29–96; Корсаков 2022б: 97–140]. *Шестидесятники* возродили демократический пафос военного поколения и начали систематически вырабатывать методы борьбы с официальным единодушием. Я попытаюсь концептуализировать политико-философский пласт шестидесятничества, поскольку оно дает наиболее богатый материал для рефлексии. При этом буду опираться на собственные исследования, в которых политическая философия понимается как методология постановки и обсуждения трех крупных проблем: применение к анализу социополитических феноменов результатов современной аналитической философии, экономической теории, социологии, политической науки, права, историографии и теории контекста; компаративистика основных аргументов классических и современных идеологий; анализ основных политических концептов как сущностно оспариваемых [Макаренко 2009: 149–167].

Здесь подчеркну только важность идеи сущностной спорности, поскольку она позволяет рассматривать любую философскую и мировоззренческую систему (особенно процесс ее канонизации и преподавания) как частный (и в этом смысле антропологический) случай пренебрежения к реальной сложности существующего мира (особенно социально-политического) и его познания.

В трудах В.А. Подороги разработана периодизация философского процесса в России, в рамках которой он выделял три периода: 1890–1923 гг. – начало институционализации и культурного признания философии в России; с конца 1920-х до середины 1980-х – тоталитарная пауза (время становления марксистско-ленинской идеологии до ее разложения еще до распада СССР); с 1986 г. по настоящее время – переходно-восстановительно-завершающий период делится на три отрезка: первый (1986–1993 гг.) завершается нарушением Конституции – расстрелом Белого дома; второй (1994–2000 гг.) является самым депрессивным; третий

начался в 2000 г. и длится до сих пор. Появляются признаки улучшения жизни, которые власть бесстыдно переносит на свой счет. Общество платит за стабилизацию высокую цену расслоением и неравенством. Продолжается захват важных позиций в массмедиа, усиление «вертикали власти», возникает политическое самодержавие. Размах коррупции свидетельствует о принятии решений в псевдокапиталистическом стиле [Подорога 2010: 8–28].

Естественно, здесь возникает вопрос: как соотносится указанная периодизация философского процесса с поколенческой типологией? Предлагаю предварительный очерк возникающих проблем.

Если согласиться с главной идеей книги, я принадлежу к поколениям шестидесятников и семидесятников *одновременно*. К первому потому, что комплекс нравственно-политических эмоций у меня сформировался в период с 1953 г. до 1964 г. под влиянием множества фактов биографии. Главными ценностями нашей семьи были труд и правда. Прежде всего отрицательное отношение к любой лжи, в основании которого лежит презрение к любым *придуркам* (в терминологии А.И. Солженицына) и лжецам. **Соотношение** в сообществе советских обществоведов типов и числа придурков и лжецов может быть особой когнитивной и социологической проблемой.

С раннего детства постоянно слышал от мамы: «До войны я была такая преданная, после войны никому не верю». Это объясняется тем, что она была вынуждена бежать от украинского голодомора 1933 г. на Кубань к брату. Тот получил квартиру на станции Кавказской (из которой были выселены участники восстания против советской власти) в качестве компенсации за то, что он гонялся в составе Красной армии за среднеазиатскими басмачами на протяжении второй половины 1920-х гг. Отец высказывался не менее определенно: «Советская власть не хочет оставлять в живых свидетелей ее дел». Оба родителя утверждали: «НКВД и гестапо одного поля ягоды». В 1939 г. родителей из Кубани направили в район прежней советско-польской границы. С момента начала советско-германской войны оба были свидетелями поведения господствующих меньшинств СССР во время эвакуации. С детства рассказывали мне то, что появилось в открытой печати только недавно [Под немцами... 2011]. В декабре 1953 г. отец принес газету и сказал: «Прочти, сынок, кто нами руководил» (так я узнал о расстреле Берия и его соратников). Летом 1956 г. отец со своим другом (инвалидом-орденоносцем Отечественной войны, которому оторвало ногу в бою под Москвой в декабре 1941 г., а застрелиться он не успел – потерял сознание) обсуждал газету, в которой был опубликован материал о преодолении культа личности и его последствий. Из разговора я понял, что Сталин – «враг народа» – таков был тогда идеологический жаргон. Первого сентября 1956 г. мы пришли в школу и расстреляли портрет Сталина из рогаток. Навсегда запомнил выражение ужаса на лице директора, заглянувшего в класс. В начале 1957 г. в гости приехала старшая сестра, которая вышла замуж за человека, подавлявшего венгерское восстание 1956 г. Тогда оно называлось «мятежом», сегодня «революцией». Шурин мне рассказывал, как наши солдаты били из танков по будапештским домам, расстреливали мадьяр и гадили в их квартирах. С осени 1953 г. я регулярно читал журнал «Новый мир», очередные номера которого отец приносил из библиотеки рабочкома. До сих пор помню статью Г. Померанца «Об искренности в литературе». С 1960 по 1964 г. в «Новом мире» публиковались мемуары И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Эти и многие другие факты реальной жизни и ее литературного изображения навсегда определили мое отношение к сталинизму. Иначе говоря, я полагаю, что аксиологическая сфера формируется намного раньше логико-гносеологической, и, видимо, определяет все (или большинство) последующих выборов. Конфликты всегда протекают внутри поколения, а не между поколениями (как гласит целая традиция). Интересно было бы получить ответы всех авторов книги на эту тему.

Однако университет я закончил в 1972 г., а первая статья опубликована в 1974 г. В периоде 1953–1974 гг. располагается ряд событий советской истории, относительно которых

нет и в обозримом будущем не будет единства мнений в обществе. Но связь данных событий с фактами жизни десятков миллионов индивидов остается предположительной. Особенно тех, что сыграли решающую роль в становлении индивидуальных характеров. На мой взгляд, именно от характера зависит биография индивида, его выбор нравственных ориентиров, объектов когнитивного интереса и мировоззрения в целом. Поэтому думаю, что намного интереснее изучать меру расхождения между поколениями (независимо от способа их классификации) и индивидуальными биографиями.

Например, этос *шестидесятников* включает особый нравственно-интеллектуальный кодекс: понимание философии как общественной миссии и вытекающее из нее просветительство; профессионализм; свобода от карьерных амбиций, если они выходят за пределы профессиональных интересов [Гусейнов 2022: 237–266]. Думаю, вряд ли кто-либо будет публично возражать этому кодексу. Но на протяжении всей жизни каждый индивид втянут во множествосоциальных коллизий и межиндивидуальных ситуаций, независимо от его воли и сознания. Поэтому соблюдение данного кодекса в значительной степени зависит от меры сопротивления, которую в состоянии индивид выработать и реализовать в отношении всех надындивидуальных ценностей, коллизий и ситуаций. Мера сопротивления – это способность индивида создать свой собственный невидимый фронт и умение вести на нем битву до последнего вздоха.

Именно на рубеже 1950–1960-х гг. Лешек Колаковский доказал возможность этики без кодекса и описал противоречия любой кодификации поведения и сознания. Франкфуртская школа социальных исследований детально описала связь Просвещения со сталинизмом и фашизмом. А в исследованиях по социальной истории науки показана связь любого миссионерства с монотеистической религией и имперским политическим устройством.

В принципе все указанные направления анализа и аргументации могут быть выведены из трудов честных христианских миссионеров, давно зафиксировавших бесконечную жестокость любого навязывания любой воли кому бы то ни было³. Значит, все современные попытки снять с повестки дня проблему компаративистики различных этик, религий и политических режимов требует дотошного внимания к классификации ближних и отдаленных последствий таких попыток. Поэтому концепт бумеранга Р. Люксембург и Х. Арндт как элемент современной теории империализма сохраняет эвристический потенциал при анализе истории СССР в целом, включая социологию советских идеологических сословий и связанных с ними философских поколений.

Обнадеживающие примеры осознания указанного расхождения нетрудно обнаружить в сборнике. Семи- и восьмидесятники называют свое поколение *рожденным в года глухие* (А.Л. Доброхотов), *поколением потерь* (О.П. Зубец) или *преданных* (А.А. Костикова). Эти самооценки производны от общей квалификации шестидесятников как осевого поколения в советской философии [Лапин 2022: 194–215]. Если не вникать в дискуссию об «осевом времени» (изобретение К. Ясперса) и правомерности выведения из него концепта «осевых поколений» (за которой нетрудно разглядеть намек на первохристианский след в поколении шестидесятников), то можно согласиться с оценкой шестидесятниками идеологии как ложного сознания и противопоставления ему научной философии [Лекторский 2022: 267–284]. Но остается неясно, что тогда делать с концепцией науки и техники как особой идеологии (Ю. Хабермас) и вытекающей отсюда технократизацией власти.

В СССР/России технократизация переплелась с вековыми традициями опричнины и земщины и воспроизводстве их до настоящего времени [Пивоваров 2014]. С.А. Никольский на основе личного опыта хождения во власть в первой половине 1990-х гг. квалифицирует всю властно-управленческую сферу Крыма как полностью коррумпированную и криминализованную [Никольский 2022: 583–596]. В.Г. Лысенко анализирует свежую идеологию

³ Достаточно сослаться на классический труд: Касас 2007.

крымнашизма («Если Крым наш, то все позволено»). И показывает, что у Ницше формула «Если бога нет, то все позволено» накладывает на человека огромные обязательства. Лозунг «Крым наш» освобождает от любых обязательств [Лысенко 2022: 534]. Это наблюдение фиксирует продуктивность идеологемы «крымнашизма» при анализе современного контекста существования отечественной философии [Клямкин 2018: 25–27].

Думаю, что опыт личного хождения философа во власть (в том числе ради изучения ее изнутри) неплохо переплетается с анализом ныне существующих в России идеологем. На фоне синтезированного Ю.В. Синеокой историко-философского контекста этот опыт способствует значительному расширению исследовательского поля. В частности, концепция и опыт силового предпринимательства может использоваться для объяснения взаимосвязи современных философско-исторических фантазий господствующего меньшинства страны с геополитическими идеологемами и вытекающей из них внутренней и внешней политикой России [Волков 2002].

Стало быть, можно составить особую политико-философскую исследовательскую программу, которая будет базироваться на идее органической связи «шестидесятников» с «семи-десятилетниками-восьмидесятилетниками». Под «органичностью» я имею в виду причастность каждого индивида из состава данных поколений к повседневным и рафинированным советским формам внутренней эмиграции [Кузнецова 2022: 455–476]. Обескураживает факт, что эта проблема исчезает с поля зрения авторов сборника после 1990-х гг. Между тем советский опыт еще может вполне пригодиться, с учетом того, что схемы позднего сталинизма все более широко внедряются в политико-идеологическую сферу [Добренко 2020].

Для описания процесса дистанцирования части философского сообщества от советского идеологического контекста Э.Ю. Соловьев ввел концепты *кафедральных уродцев*, *неортодоксии* и *Вандей догматиков* [Соловьев 2022: 285–317]. Они означают: господствующий тип философов МГУ, которые готовили из студентов начетчиков, доносчиков и штамповщиков идеологических ярлыков; определение позиции Ильенкова-Коровикова-Зиновьева (по образу мысли молодого Лютера) как ортодоксии против догмы; сопротивление неортодоксии со стороны советской кафедральной философии и политпросвета на протяжении 1954–1991 г. В принципе эти группы можно считать значимыми для всей второй половины XX в. в СССР.

Но их надо рассматривать в рамках центрo-периферийной темы, намеченной В.А. Подорогой. В данном случае я имею в виду анализ процесса создания и деятельности философского факультета Ростовского университета, который был одним из мест выживания и реализации неортодоксии. Возникает вопрос о соотношении догматизма и неортодоксии в истории Ростовского университета. Речь идет о становлении в Ростове независимого от власти гуманитарного сообщества. Как в ростовском интеллектуальном сообществе выражается восхищение правоконсервативными установками? Как здесь происходит реанимация нигилизма – морального, интеллектуального и эстетического недоверия к западу? В чем выражается историческое, социальное и политическое бесстыдство местной власти? Кого считать знаковыми фигурами интеллектуального сервиллизма и духовного сопротивления среди ростовских обществоведов? Как в южном регионе России выразилось абсолютное зло? Как культивировать сопротивление диктату массмедийного пространства в его центральном и региональном измерении?

Все эти вопросы инициированы фигурой Михаила Константиновича Петрова – единственного из всех ростовских философов, удостоившегося коллективной монографии в серии «Философия в России второй половины XX столетия». С.С. Неретина предложила рассматривать творчество М.К. Петрова как элемент общего тренда выхода за пределы марксизма на протяжении второй половины XX в., возрождения гуманитарного знания и квалификации философии как определенного образа жизни [Неретина 2022: 377–428]. По характеристике Н.И. Кузнецовой М.К. Петров был «восхитительно артистичным советским европей-

цем, эрудиция которого не мешала в любом выступлении и публикации выдвигать оригинальные гипотезы» [Кузнецова 2022: 471]. Стало быть, творчество М.К. Петрова связывает Ростов с Москвой и другими философскими центрами.

Для анализа данного тренда Светлана Сергеевна сформулировала ключевое положение: 1950–1990-е гг. – это конфликт двух групп внутри одного поколения и дала характеристики обоим группам. На протяжении этого периода возникло различие между профессиональным и политическим диссидентством. Труды инакомыслящих вырабатывали эликсир сопротивления, важность которого возросла после 2000 года.

Значимыми фигурами профессионального диссидентства были В.С. Библер, М.Я. Гефтер, М.К. Петров, А.П. Огурцов, В.В. Бибахин. Каждый из них создал свою модель когнитивного сопротивления. Ни одна из них до сих пор не устарела. Например, если в общественном сознании преобладает представление о противоположности России и Запада, то Петров создал концепцию для анализа единой цивилизации со всеми ее двойничествами. Если в марксизме господствует представление об истории как естественно-историческом процессе, то Гефтер представлял историю как Выбор и движение Выбора, подошедшего к концу. Если нынешние официальные лица публично заявляют о желании возродить 1000-летнюю Россию, то Гефтер показал их тщетность, поскольку русская история является прерывной. «Если у политика-лидера нет сознания этой опасной прерывности русской истории, он сам опасен для России. Без сознания страны в ней нельзя правильно действовать, историческая интуиция должна подсказывать государственные шаги». Причиной конца истории являются разнообразные «гибриды»: смешение абсолютного зла с абсолютным добром. А.П. Огурцова интересовал метод перевода жестко политизированной философии на такой уровень понимания, который позволил бы ему оказаться при ее начале, что позволило бы обнаружить степень и возможности становления этой философии идеологией. С этой точки зрения марксизм интересен как завоеватель мира.

Короче говоря, важны индивидуальные перипетии сопротивления различным формам и методам давления власти на философское сообщество, включая все советские и постсоветские поколения. Обескураживает тот факт, что эта проблема исчезает с поля зрения авторов сборника после 1990-х гг. Между тем советский опыт еще может вполне пригодиться, с учетом того, что схемы позднего сталинизма все более широко внедряются в политико-идеологическую сферу. После 2000-го года под видом «духовных скреп» воспроизводятся идеологические схемы позднего сталинизма [Добренко 2020]. Поэтому весь материал книги приобретает необычайную актуальность с содержательной, критической и методологической точек зрения. Политико-философский пласт шестидесятничества может изучаться как множество проблем, часть из которых я пытался поставить.

В заключение предлагаю превратить концепцию книги в исследовательскую программу для изучения специфики региональных философских сообществ и организовать всероссийскую конференцию по этой теме.

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т.* Макс Вебер; Пер. с нем; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. – Т. 1. Социология.

Волков В. 2002. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ.* – СПб., Издательство Европейского университета.

Гуль Р.Б. 2001. *Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1: Россия в Германии / Предисловие О. Коростелева.* – М.: Б.С.Г.-Пресс.

Гусейнов А.А. 2022. Философия шестидесятников как общественное явление. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 237–266.

Добренко Е. 2020. *Поздний сталинизм: эстетика политики. Т.т. 1–2.* – М.: Новое литературное обозрение.

Задорнов М.Е. 2021. *Энциклопедия всенародной глупости.* – М.: Центрполиграф.

Касас Б. де лас. 2007. *История Индии.* Пер. с испанск. – СПб.: Наука.

Клямкин И.М. 2018. *Какая дорога ведет к праву?* – М.: Либеральная миссия.

Книга в системе общения... 2006. *Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила».* Сб./ авт.-сост. М.В. Рац. – М.: Наследие ММК.

Корсаков С.Н. 2022а. Советские философы поколения 1920-х годов. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 29–96;

Корсаков С.Н. 2022б. Философы военного поколения. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 97–140.

Кузнецова Н.И. 2022. Угольки воспоминаний. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 455–476.

Лапин Н.И. 2022. Об осевом поколении российских философов XX столетия. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 194–215.

Лекторский В.А. 2022. Мое философское поколение. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 267–284.

Лысенко В.Г. 2022. «Человека никто не может освободить». – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 503–539.

Макаренко В.П. 2009. Политическая концептология: первые итоги разработки. – *Политические исследования.* – № 6. – С. 149–167.

Мангель А. 2020. *История чтения.* Пер. с англ. М. Юнгер. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

Неретина С.С. 2022. Инакомыслящие. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 377–428.

Никольский С.А. 2022. Появилась возможность узнать, как на самом деле устроена жизнь... (о себе как части поколения, жившего в середине 80-середине 90-х годов прошлого века). – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 583–596.

Пивоваров Ю.С. 2014. *Русское настоящее и советское прошлое.* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга.

Под немцами... 2011. *Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник.* Сост. К.М. Александров. – СПб.: Скрипториум.

Подорога В.А. 2010. *Апология политического.* – Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ.

Политика мысли... 2016. *Политика мысли: мастерская Валерия Подороги в оценке учеников и коллег. Сборник статей.* Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Изд. Южного федерального университета.

Рац М.В. 2012. *Диалоги книжников (впережку с монологами составителя).* – М.: Инскрипт,

Синеокая Ю.В. 2022. Предисловие. Голоса философов. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 13–28.

Соловьев Э.Ю. 2022. «Философы-шестидесятники»: послевоенное братство отцов и детей. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 285–317.

Философские поколения... *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский дом ЯСК. – 1232 с., ил.